

хватывают даже самые последние годы (например, в ней упоминается ряд шагов администрации Барака Обамы), главным ее содержанием является без сомнения история создания исламистской структуры в Германии в 1945–1960-х годах. Стилль книги — удивительная смесь сухого исторического исследования и журналистского повествования — может показаться читателю необычным, но не стоит забывать, что Джонсон — блестящий журналист, и было бы странным, если бы он не использовал ту методологию сбора и обработки материала, которой владеет лучше всего. Хотя он пытается скомпенсировать взрывоопасность выбранной темы бегством в подчеркнутую академическую любовь к деталям и мельчай-

шим фактам (например, приводя сумму активов фонда Джамиат аль Ислам в 1957 году, Джонсон дает цифру до центов: \$ 328 556,98 (р. 140)), его журналистский опыт дает себя знать — и раз за разом в тексте появляются красочные драматические описания прошедших событий. Эти описания, однако, не являются вымыслом беллетриста, а представляют собой результат обработки почти полусотни интервью с участниками описываемых событий. Органичное сочетание таких интервью с материалом десятков монографий, архивных папок и материалов из личных архивов — самая сильная сторона книги, которую стоит прочесть каждому, интересующемуся вопросом возникновения европейского исламизма.

*Сергей Сумленный*

## ТАКОЙ ЗНАКОМЫЙ ВОЖДЬ

Логинов В. Т. *Неизвестный Ленин*. М.: Алгоритм, 2010. — 576 с.

Несколько лет назад мне довелось преподавать политологию в одном из московских технических вузов. Институт считался в некотором смысле элитным, с богатой историей, другое дело, что политология его выпускникам была нужна не больше, чем в прежние времена — история партии. Так что я своих студентов слишком не мучил, на списывание докладов из Интернета смотрел сквозь пальцы, в общем, считался у них «добрым».

Но однажды случилось нечто, пожившее конец идиллии. Какой-то молодой человек вызвался подготовить доклад о Ленине. Ничего сенсационного я не ожидал, и когда он в назначенный день начал просить о переносе доклада в связи с тем, что

не подготовился, я не воспринял это всерьез. Ну, не подготовились, так расскажите экспромтом. Так даже лучше!

И он рассказал.

«Ленин жил в девятнадцатом веке», начал студент. У них почему-то все время выходил XIX век. Все, что не нынешний век, то — позапрошлый. Но вообще-то молодой человек был как бы прав. Большую часть своей жизни Ленин прожил все-таки в XIX веке...

«И он боролся с царизмом», студент сделал паузу, и после мучительного размышления продолжил: «А потом он его сверг. И несколько лет, как-то так получилось, что он управлял Россией из-за границы. Но затем вернулся домой в бронированном вагоне... Подружился со Сталиным и умер».

Это было все. Больше о Ленине молодому человеку было ничего не известно. Я пошел на кафедру и подал заявление об увольнении.

Для поколения, которое не знает разницы между plombированным вагоном и бронированным, видимо, биографию Ленина надо писать уже заново, лучше всего в жанре комиксов. Но само по себе появление целой волны новых книг о Ленине не может не обнадеживать. Тем более что публикации последнего времени резко отличаются от книг, вышедших в 1990-е. Тогда бывшие советские идеологи и историки партии специализировались на издании разоблачительных трудов, где выворачивали наизнанку собственное вранье, превращая пошлую апологию в бессовестную клевету. Затем наступило несколько лет молчания, когда биографы предпочитали писать и спорить о Сталине, но в последние годы на прилавках книжных магазинов вдруг в изрядном количестве вновь обнаружилось книги о Ленине. Причем на сей раз претендующие не на разоблачение вождя и развенчание мифов, а на добросовестный исторический анализ его политической судьбы и личной биографии.

В этом потоке новой «лениноведческой» литературы книга известного историка Владлена Логинова заслуживает особого внимания. Не только потому, что Логинов является на сегодняшний день, возможно, лучшим знатоком биографии вождя русской революции, но и потому, что публикуемая им многотомная биография Ленина представляет своего рода ответ традиционной советской исторической школы на новые версии событий и новые материалы, ставшие достоянием публики за прошедшие 20 лет.

«Неизвестный Ленин» освещает период с февраля по октябрь

1917 года. Иными словами, решающий и переломный момент в биографии лидера большевиков, время борьбы за власть. На задней стороне переплета посетитель книжного магазина обнаруживает краткое изложение авторской концепции: «Портрет В. И. Ленина, в этой книге портрет жесткого прагматика и волевого руководителя, суров, но реалистичен». Так вот, если вы еще не купили книгу, имейте в виду — ничего общего с ее содержанием эта характеристика не имеет. Возможно, именно таким хотели бы видеть Ленина редакторы издательства «Алгоритм», выпустившие работу Логинова, но сам автор не только не утверждает что-либо подобное, но, напротив, постоянно и настойчиво стремится доказать обратное: Ленин не был прагматиком, он был человеком глубоко идейным, слегка сентиментальным, неизменно ориентированным на стратегические цели и крайне щепетильным в выборе средств. Другое дело, что выбор, который представила ему история, был не из простых, а в моральном плане — самый тяжкий.

Кстати, название «Неизвестный Ленин» тоже вводит в заблуждение. Речь ведь идет не обо всей жизненной истории вождя большевиков, которую нам предлагают увидеть с какой-то новой стороны, и тем более, не о каких-то ее эпизодах, которые не были прежде нам известны или мало изучены историками. Книга Логинова представляет собой очередную часть многотомной биографии. Правильнее было бы назвать ее «Ленин в 1917 году». Подозреваю, кстати, что название тоже придумано редакторами книги. Уж больно очевидно его несоответствие с содержанием труда Логинова. Ситуация, увы, типичная и хорошо знакомая многим, кто имел дело с из-

дательствами, ориентированными на коммерческий успех.

Образ вождя, предьявляемый Логиновым читателю, в сущности, соответствует всем традиционным параметрам советской «ленинианы». В ее лучших вариантах, разумеется. К моему огорчению, в книге сравнительно мало архивных материалов. Там, где архивные данные все же используются, они, как правило, не слишком значимы для общего развития сюжета. Практически нет ранее неизвестных документов, источников. Много академических недочетов — не проставлены сноски на многие цитаты, или, наоборот, проставлены каким-то очень странным способом, когда одной сноской «покрывается» три, пять, а то и более цитат, порой — из разных источников. Ошибки бывают в любом издании, да и сноски, что греха таить, иногда авторы и редакторы забывают в нужном месте проставить, но тут уже творится что-то невероятное. Такой неразберихи в «академическом аппарате» я не видел нигде и никогда. Подозреваю, кстати, что винить за нее надо не автора, а издательство. Но, увы, перед читателем за книгу ответственность несет все-таки автор, и не объяснишь же каждому, взявшему в руку книгу, что хороших редакторов в России почти не осталось, а многие издательства, стремясь сэкономить деньги и время, не только пренебрегают академическими правилами, но спешат все сделать, не слишком советуясь с автором. В подобной ситуации лучше было бы сноски вовсе убрать, отказавшись от претензий на академизм.

С точки зрения исторической главная особенность работы Логинова состоит в том, что он возвращает биографии Ленина ее полноту за счет источников и фактов, ранее

недоступных советскому читателю. Эти материалы были и прежде хорошо известны специалистам, но недоступны по цензурным соображениям. Например, те же записки Суханова (про которые мы в СССР знали только то, что они спровоцировали умирающего Ленина на размышления об итогах и судьбах революции), воспоминания Троцкого или рассказы Григория Зиновьева о том, как он вместе с Ильичом прятался от Временного правительства в Разливе. Знаменитый шалаш, многократно описанный биографами, изображенный художниками и воспетый литераторами, был на самом деле двухместным.

Подобные факты, хорошо знакомые читателю 1920-х годов, но исчезнувшие из оборота в сталинские годы, могут произвести сильное впечатление на человека, привыкшего к ортодоксальным версиям ленинской биографии (собственно, именно на этого читателя и ориентирована книга Логинова). Увы, для читателей более молодого поколения вряд ли станет сенсацией рассказ о том, как Ленин делил шалаш с Зиновьевым, поскольку сперва этому читателю придется объяснить, кто такой Зиновьев.

Парадоксальным образом, возвращение в научный оборот прежде запрещенных источников не так уж сильно меняет общую картину. Основные представления о роли и личности Ленина все же сложились в СССР еще до того, как «сталинская школа фальсификации» принялась за исправление фактов. Именно эту, первоначальную версию жизнеописания вождя революции и пытается отстоять Логинов, только теперь его главной проблемой является уже не советская цензура, а вышедшие в 1990-х годах публикации «лениноведов», исполнителей нового поли-

тического заказа, сформулированного изменившейся властью.

Надо признать, что защита Логинова оказывается очень эффективной и на редкость убедительной. Он восстанавливает жизнь своего героя буквально по дням, иногда по часам, подробно объясняя, что и когда происходило, кто с кем встречался и о чем они разговаривали. Попутно автор то и дело отвлекается, то разбирая разного рода обвинения, предъявленные задним числом его герою, то делая популярные экскурсы в теорию, наспех пересказывая его теоретические работы. Последнее удается ему не очень хорошо, на глубокий анализ теоретического наследия Ленина у него нет ни времени, ни места, да и описывает он все же не «историю ленинской мысли», подобно западным авторам от Лукача до Жижека, а именно личную и политическую биографию.

Стараясь не пропустить ни одного, даже второстепенного события, Логинов часто оставляет читателя наедине с фактами, которые он комментирует, а не анализирует, собирает, а не обобщает. У читателя, заинтересованного в теоретических проблемах революционной истории, такой подход не может не вызвать некоторого раздражения, но в нем есть и свои преимущества. В конце концов, нам никто не мешает сделать выводы и обобщения самостоятельно.

Не слишком утруждая себя теоретическими дебатами (в том числе и марксистскими дискуссиями об истории и смысле революционного процесса) Логинов уделяет гораздо больше внимания и сил полемике с антикоммунистическими памфлетами, массово публиковавшимися в России 1990-х годов. Его задачу облегчает то, что критикуемые им «лениноведы» по большей части явля-

ются не историками, а публицистами и пропагандистами, даже если официально и претендуют на статус историков.

Биограф последовательно объясняет читателю, что образ циничного прагматика и властолюбца (или наоборот, догматика и утописта), нарисованный антикоммунистической публицистикой, не имеет никакого отношения к действительности. Он разоблачает манипуляции с вырванными из контекста фактами и цитатами, рассказывает, где и когда использовались фальшивки, уже разоблаченные серьезными исследователями не только в СССР, но и на Западе. Как и следует ожидать, главным сюжетом здесь становятся «немецкие деньги», якобы полученные Лениным в 1917 году.

В 1990-е и 2000-е годы про «немецкие деньги» было сказано и написано так много, что эта версия приобрела уже характер общепризнанного мифа, причем, как ни парадоксально, не только среди антикоммунистов, но и среди левых, включая тех, кто считает себя искренними поклонниками Ленина. Последние, свыкшись с мыслью о наличии в кассах большевиков немецких денег, склонны были и в этом видеть большое достижение: получалось, что хитрый Ленин совершил гениальную комбинацию, цинично использовав берлинский Генеральный штаб в интересах революции, а затем «кинул» немцев. На данный «опыт» ссылались, объясняя необходимость и возможность ради правого дела воспользоваться средствами из любых, даже самых проблематичных источников.

Вне зависимости от того, насколько оправданными были подобного рода решения в каждом конкретном случае, книга Логинова наглядно показывает, что использовать действия

Ленина в качестве аргумента и обоснования для своих поступков, увы, нет никакой возможности. Даже если где-то на периферии большевистского движения всплывали отдельные личности, которые могли теоретически иметь связи с немцами, сам Ильич не только денег не брал, но более того, тщательно заботился о своей репутации и репутации партии, для которых любые связи с германскими властями считал недопустимыми. Переговоры о проезде через Германию велись в Швейцарии гласно, в них участвовали эмигранты из разных партий, свое решение с ними Ленин публично обсуждал (другое дело, что далеко не все его одобрили). А в plombированных вагонах, которых было несколько, приехало в Россию в общей сложности более трехсот человек, включая не только большевиков, но и меньшевиков и даже нескольких «оборонцев», которые другим способом вернуться на родину не могли.

Однако гораздо больший интерес, чем тема «немецкого золота» вызывает дискуссия между Лениным и его собственными товарищами в Петрограде, с которыми он постоянно оказывался на грани конфликта. Книга Логинова наглядно показывает, что вождь большевиков, во-первых, далеко не всегда что-то контролировал даже в «своей» партии, а во-вторых, то и дело вынужденно оказывался в стороне от событий, от решений (сначала в Швейцарии, потом в Разливе и Финляндии). Начало июльских дней пропустил, сидя на даче. Хотя Логинов, будучи все же историком советской школы, ни разу не готов даже в мелочи признать неправоту своего героя, можно заметить, что лидер большевиков нередко ошибался по анализу тактических раскладов, которые куда лучше умели учитывать Свердлов и Сталин. Кстати, Сталин,

по ходу книги, все время на месте, все время при деле, занят какими-то практическими делами, представляя людям вроде Ленина или Троцкого ломать голову об общей перспективе развития революции. Но у Ленина, в отличие от «практиков», есть главное, то, что отличает великого человека от просто добросовестных политических работников — стратегическое видение. Именно поэтому он, даже опоздав к тому или иному конкретному событию, всегда находит решение, открывающее перспективу дальнейших действий, определяет цели, понимает, где нужно сменить лозунги, тактику. Напротив, «практики» упорно держатся за принятые ранее решения и все время пеняют лидеру — вы же сами вчера говорили, мы же решили, что правильно будет так... Но то было вчера. А революция ежедневно меняет расклады, заставляя переоценивать сделанное, снова и снова сверять текущий тактический курс со стратегической целью. Именно стратегическое видение позволяет Ленину овладеть ситуацией практически на любой «точке входа» — он знает, куда отсюда надо двигаться, какое взять направление, где цель.

При этом, однако, вынужденное бездействие, сидение в Швейцарии, Разливе или Финляндии для Ленина крайне мучительно. Он страдает, видя, как оставленные без присмотра товарищи делают ошибки, злятся, видя, что его письма и просьбы игнорируются. А «практики» из Центрального Комитета, спрашивая вождя в очередную эмиграцию, вздыхают с облегчением.

Хуже того, несколько раз на протяжении книги питерские партработники стараются под разными предлогами отсрочить или предотвратить возвращение вождя в столицу — уж больно он им мешает сво-

ими идеями и требованиями. Разумеется, все это делается ради его же безопасности! И даже когда выясняется, что он, тайно от руководства собственной партии и без ее помощи, нарушив запрет ЦК перебрался в Питер, его пытаются не пускать в Смольный. К этому моменту Ленин уже находится в совершенном бешенстве: «Не знаю — все, что они мне говорили — они все время врали или заблуждались? Что они трусят?» (с. 487).

«Они» — профессиональные политики и функционеры из ЦК и в самом деле трусили. Но боялись они не юнкеров и агентов Временного правительства, бессилие и бестолковость которых видны на каждой странице книги, а ответственности, необходимости делать необратимый решающий шаг. Они боялись взять власть, боялись стать главными действующими лицами Истории. Ибо войти в историю в качестве главных действующих лиц означает стать героями Трагедии.

Именно конфликт Ленина с «просто политиками» из собственной партии является, пожалуй, главным и самым интересным сюжетом книги Логинова. И чем дальше ее читаешь, тем более она становится увлекательной, приобретая драматизм, который бывает в хорошем детективе. Люди в Питере боятся начать всерьез борьбу за власть, утаивают от рядовых большевиков письма собственного лидера из Финляндии, подвергают цензуре его тексты, вымарывая самое главное, переиначивают формулировки. И всячески стараются выкрутиться, ускользнуть от исторической ответственности, заменяя поступки словами, а решения — резолюциями. Ленин отчаянно пытается достучаться до своих товарищей, доказать им, что упустить благоприятный момент для восстания зна-

чит не просто отказаться от власти, но и открыть дорогу контрреволюции. Они соглашаются... и продолжают все делать по-своему.

Чтение захватывает. Историческая дата 7 ноября все ближе, а ничего не сделано, ничего не происходит, все инициативы захлебываются. Каменев и Зиновьев, по крайней мере, решаются честно выступить против Ленина. Другие же топят дело в бесконечном обсуждении частных. По мере того, как сюжет развивается, испытываешь то же чувство, которое бывает при повторном чтении авантюрного романа: в принципе, известно, чем все это кончится, но все равно не уверен. Так настоящий поклонник Александра Дюма, даже перечитывая в десятый раз «Трех мушкетеров» не перестает волноваться: успеет ли д'Артаньян привезти подвески королеве? Так и с книгой Логинова: буквально до последних страниц непонятно — состоится ли все-таки Октябрьский переворот, или усилия Ленина потонут в ругине, нерешительности, трусости, догматизме окружающих? Он бьется, требует действовать, указывает на катастрофическое положение дел в стране, а они создают комиссии, рассуждают, формулируют повестку дня и вносят поправки в резолюции.

Ленинская биография, написанная Логиновым, при всех недостатках этой книги, дает ответ, пожалуй, на самый главный вопрос — что значит быть революционером. Произносить красивые фразы могут многие, но стоят эти фразы недорого. И даже ссылка на перенесенные ради великих идей тяготы и преследования не дает, видимо, человеку права на такое название. Революционером политика делает именно готовность борьбы за власть, понимаемую не как стремление получить должность или министерский портфель, будь то хоть

и портфель самого премьер-министра, а возможность взять на себя ответственность за действия, реально меняющие ход вещей, за необратимые решения, после которых начнется что-то новое, неизвестное, желаемое и одновременно страшное. Многие люди готовы пожертвовать материальным комфортом ради высоких идей или благородных лозун-

гов, но лишь немногие готовы рискнуть комфортом психологическим, моральным, взвалив на себя ответственность за Страну и Историю.

Ленин этой способностью обладал. И именно поэтому, спустя столько лет, мы продолжаем до хрипоты спорить о принятых им решениях и совершенных им поступках.

*Борис Кагарлицкий*

## АНТРОПОЛОГИЯ СОВКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Мы жили в СССР/Авт.-сост. О. А. Дыдыкина, С. О. Ермакова,  
В. Н. Куликова. М.: БММ, 2011. — 176 с.

Все началось с того, что культуролог Ольга Балла написала мне в письме: «Ира! Какую книгу я видела! Там советская цивилизация представлена как мир каких-нибудь этрусков. Больше всего мне понравился раздел „советская посуда“».

Я побежала в магазин.

Мне торжественно вынесли лаковый красный с золотом альбом «Мы жили в СССР».

«Скоро двадцать лет, как перестал существовать СССР, — говорится в аннотации, — огромная страна, мощная сверхдержава. Но память о бывшей великой империи жива, и до сих пор не утихают споры о ее победах, поражениях и роли в истории».

«...Интересно, как вспоминали свою империю римляне через двадцать лет после ее крушения?»

Из школьного курса представлялось, что какие-то дикие люди, неизвестно откуда, ворвались в Рим и разрушили цивилизацию. На самом деле варвары заселяли римские земли постепенно, и два мира понемногу проникали друг в друга. Римских граждан все мень-

ше привлекала служба. Рим деградировал, становился все более «варварским». Экономика перестала расти. Удерживать границы империи становилось все труднее. Государственная идеология превратилась в пустые слова. И в один прекрасный день варвары взяли власть.

«Империя была взорвана изнутри, а не затоплена нашествием извне»<sup>3</sup>, — пишет французский историк Люсьен Мюссе.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют, что уже в конце V века образованных людей на руинах империи охватила волна ностальгии. Причем тосковали не только римляне, но и варвары: они пытались реставрировать старые здания, собирать римские книги и говорить на приличной латыни.

Увы, не очень получалось. И хотя не перевелись античные предметы, и здания, пусть и об-

3. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2008. С. 37.